

Повесть Анны Матвеевой «Итальянское вино» как энологическое путешествие

Название «маленькой повести» (авторская номинация текста) А. Матвеевой позволяет включить данный текст в корпус «кулинарных» произведений современной словесности, но с той оговоркой, что здесь в центре внимания оказывается «культура питания». Так, уже главы именуются в соответствии с марками итальянских вин: перед читателем разворачивается целая винная карта. «Вальполичелла», «Барбареско», «Брунело ди Монтальчино», «Треббьяно ди Сполетино», «Верначча ди Сан-Джiminiньяно», «Марсала» являются теми сортами, которые позволяют проследить маршрут путешествия героев по Италии, кропотливо вычерчиваемый ими на карте (здесь реализуется еще одно значение этого слова), где каждый город и регион славится особыми, только им свойственными спиртными напитками. Это и позволяет назвать повесть Анны Матвеевой энологическим¹ путешествием.

Сюжетообразующая роль в «маленькой повести» отведена рассказу героини о поездке в Италию. Уже в первом абзаце намечен основополагающий для жанра путешествия хронотоп дороги: «Мы договорились, что не будем пить всю *дорогу*» [с. 208]. Дорога в данном случае — это вполне конкретный и на первый взгляд продуманный маршрут путешествия по Италии, причем ключевые точки этого маршрута, как уже говорилось, маркированы названием того или иного сорта вина. Подобный принцип сцепления отдельных глав в целое (по наименованию) позволяет включить текст екатеринбурженки А. Матвеевой в череду классических путешествий русской литературы — от «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Радищева до поэмы в прозе «Москва — Петушки» В. Ерофеева, причем с последним текстом «Итальянское вино» роднит ярко выраженная энологическая составляющая, выполняющая сходные функции.

Повествование в тексте А. Матвеевой доверено героине, возраст которой почти совпадает с возрастом автора. Это рефлектирующая

¹ Энология — наука о вине.

героиня, самым интересным объектом осмысления для которой становится она сама. Еще в начале повествования она пытается разрешить главный на данном этапе своей жизни вопрос: «Почему Давид?» [с. 209]. Этот вопрос тревожит ее еще и потому, что именно с Давидом, мальчиком из рабочей семьи, с которым они встречаются вот уже несколько лет, ей предстоит отправиться в Италию: «Давид мечтал увидеть Италию и хотел потратить на эту поездку свое наследство» [Там же]. В итоге же это путешествие превращается в «бегство — по кругу, друг за другом, подальше от самого себя» [Там же]. И, как кажется героине, убежать от самой себя можно при помощи вина: она «заливает вином сложные и непонятные строчки, написанные в... душе» [с. 226].

Винопитие, которое героиня отграничивает от пьянства (с чем категорически не согласен Давид), для нее становится равноположенным самой жизни, что заставляет вспомнить хрестоматийное высказывание ерофеевского Венички: «...ибо не есть ли жизнь человеческая лишь минутное окосение души?» Матвеевская героиня восклицает: «Вино — моя кровь, я не могу без него жить», оно «горит в жилах, как топливо» [с. 234]. И, развивая эту мысль, констатирует: «Если от него отказываться, то придется отказываться от всей моей жизни» [с. 219]. Периоды «ненависти к вину» у нее похожи на «периоды ненависти к самой себе» [с. 221].

В ополовиненной бутылке вина героиня видит знак того, что и в ее жизни «тоже осталось меньше половины» [с. 218]. Данная фраза аллюзивно отсылает к хрестоматийно известному началу «Божественной комедии» Данте. Имя этого итальянца возникает в тексте в связи с одной из остановок в пути. Давид, который помнит все мелочи и подробности, выбирает как место для ночевки Равенну, мотивируя это тем, что там похоронен Данте. Упоминание этого имени вызывает у героини следующие размышления: «Насчет Данте я почти никак. Могу продекламировать начало “La Comedia Divina” — ну, ты помнишь, что — “...земную жизнь пройдя до половины...” А следующие строки все равно никто не помнит» [с. 213].

Последнее замечание, высказанное вслух, задевает Давида, этого мальчика из рабочей семьи, который начинает цитировать Данте. Память Давида удержала этот текст, как и множество других подробностей: «...у Давида невероятная память, больше, чем у самого мощного компьютера» [с. 226]. Давид забивает голову любой информацией, «лишь бы не думать о реальной жизни, той, что прямо сейчас вершится перед ним» [Там же]. Он — человек разума, в жизни которого все распланировано

(отсюда и его стремление к протоколированию впечатлений во время путешествия), в отличие от героини, которой «всегда интереснее смотреть на людей, чем на камни или картины» [с. 254]. И именно ей удастся связать впечатления от путешествия в одно целое, организованное не по законам логики, но путем ассоциаций (черта, характерная для жанра путешествия вообще).

Вино становится способом противостояния бесконечному жизненному водовороту, это «маленький потайной бунт» [с. 232] против однообразия и серости будней, где все люди совершают одинаковые поступки изо дня в день. Так исподволь на страницы повествования входит экзистенциальная проблематика, однако вопросы о жизни и ее смысле волнуют героиню лишь в отношении самой себя, но никак не всего человечества (в этом ключевое отличие повести А. Матвеевой от поэмы в прозе В. Ерофеева).

Вино для героини оказывается и мерой любви и нелюбви к Давиду. «Я не любила Давида», — эта фраза является лейтмотивом повествования, неоднократно повторяясь уже на первых страницах. И именно от этой нелюбви (но не от самого Давида) и совершает героиня свое бегство, чтобы в финале прийти к столь неожиданному для нее самой «Я люблю тебя, Давид» (важно изменение временной характеристики глагола: героиня, обращаясь к настоящему, как будто «выныривает» в жизнь, отрешаясь от рефлексии о ней).

Любовь и нелюбовь, ненависть становятся двумя сопредельными сторонами целого, именуемого человеческой жизнью. А. Матвеева переводит в философский план известное выражение «от любви до ненависти (а значит, и в обратном направлении. — Т. С.) один шаг». Во время путешествия героиня размышляет о возможности разрыва отношений и приходит к выводу о неисполнимости этого намерения, поскольку слишком туго в один узел связаны любовь Давида к ней и ее нелюбовь к нему или — иначе — ненависть Давида к ней (точнее, к ее «ежевечернему пьянству») и равная ей по силе ее любовь к нему. «А что бы с нами стало без вина?» [с. 216], — вопрошает она себя, понимая, что отказ от вина будет равносителен отказу от жизни, а значит, и от Давида. Именно количество выпитого в финале позволяет героине поставить точку в самом главном путешествии — к самой себе, однако обретенная ею истина («Я люблю тебя, Давид») оказывается амбивалентной — произнесенные слова были «сразу правдой и неправдой» [с. 236], что в авторской концепции становится еще одним указанием на зыбкость границ между

явлениями противоположного порядка. Обретению этой истины немало способствовало и пробуждение души Давида, внешним проявлением чего стали слезы.

Вино определяет и мировосприятие героини. Целый ряд тропов построен на «винной» основе: во время нахождения в Равенне «лил дождь — грустный, как день без вина» [с. 217]; туф, из которого сложены дома в Питильяно, «золотистый, как “Верначча”, и такой же невесомый» [с. 230]; преподаватель автокурсов «насыщался своим превосходством, пил его из воздуха, как самое сладкое вино» [с. 208]; «ревность Давида такого же размера, как печень алкоголика в сравнении с другими внутренними органами» [с. 231]. Устойчивой в тексте становится метафора «вино — кровь», отсылающая к известной христианской традиции.

Рассказ о путешествии по Италии перебивается лирическими отступлениями, где героиня смакует само слово *вино*, размышляет о процессе покупки вина (выбор бутылки вина для нее аналогичен выбору хорошей книги — этикетки она читает, как названия романов), о роли вина в ее жизни и, через него, о вере; о свойствах вина и культуре его употребления, при этом все хрестоматийные сведения («белое вино должно быть холодным») преломляются сквозь призму судьбы героини (если ей не удастся достаточно охладить бутылку белого вина «до того момента, как захочется выпить, то она не будет пить вовсе. Разве это алкоголизм?» [с. 230]). В потоке ее размышлений всплывают впечатления из детства: мама, вернувшись из поездки в Бордо, привезла настоящее французское вино, которое, шутки ради, дали попробовать героине, тогда еще маленькой девочке, что обернулось нелюбовью к этому вину на всю жизнь и любованием вином итальянским; поход с мамой в цирк, когда маленькая девочка «никак не могла научиться радоваться настоящему моменту» [с. 232] (это неумение преследует ее всю жизнь, что и заставляет бежать от самой себя). Эти воспоминания настолько затягивают героиню, что в итоге Давид ревнует ее «к маме, Анне и вину, но больше всего он ревнует ее к узнику Эльбы» [с. 231].

Упоминания об «узнике Эльбы», «императоре» постоянно появляются на страницах повести. Соседство этих выражений позволяет назвать вполне конкретное имя — Наполеон, но в тексте оно не появится ни разу (но станет важной составляющей рассказа «Остров Святой Елены»). Причина такого «неназывания» кроется в том, что героиня воспринимает Наполеона эмоционально, как и все происходящее. Для нее это не столько конкретная историческая личность, сколько материализованное воплощение одиночества — состояния, слишком хорошо ей знакомого.

И лишь в финале героиня наконец-то признается себе: «император давным-давно умер» [с. 236], и обращается к настоящему — к Давиду и их отношениям. Пройти этот путь к признанию ценности текущего момента позволяет своеобразное «очищение вином»: энологическое путешествие оказывается путешествием к самому себе, причем вектор этого путешествия направлен из прошлого к настоящему, что поддерживается на грамматическом уровне организации текста.

1. *Матвеева А.* Голев и Кастро. М., 2005. Все цитаты в тексте статьи приводятся по данному изданию, в квадратных скобках указываются только страницы.

И. А. Санников
г. Екатеринбург

Риторическое начало в творчестве Феофана Прокоповича (на примере трагедокомедии «Владимир» и «Слова на погребение Петра Великого»)*

Феофан Прокопович. Сам факт его активной деятельности в пору петровских реформ, тесное общение с императором, а также то, что он даже после смерти своего покровителя продолжал оставаться в гуще событий — вплоть до 1736 г. — пробуждает к личности этого человека неподдельный интерес.

В России в эпоху классицизма главным двигателем развития литературы на всем протяжении XVIII в. оставался пафос государственного строительства и общественных преобразований. Отсюда — развитие в русской литературе XVIII в. прежде всего двух основных направлений — высокой гражданско-патриотической одической поэзии и критического, сатирического обличения пороков русского общества и государства.

О. М. Буранок справедливо отмечает, что «ораторская проза Петровской эпохи самоценна, при этом несомненно ее влияние на другие виды

* Работа выполнена под руководством д-ра филол. наук, проф. кафедры фольклора и древней литературы УрФУ Е. Е. Приказчиковой.